

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ДОСТОЕВСКИЙ

Трагедия Миф Мистика

Ответственные редакторы
А. Б. Шишкин и О. Л. Фетисенко

Издательство «Пушкинский Дом»
Санкт-Петербург, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Иванов. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика (перевод с немецкого Дим. Вяч. Иванова и М. Ю. Кореневой)

Предисловие	5
Часть первая. Tragodumena	
Введение: о воздействии Достоевского	11
I. Роман-трагедия	13
II. Трагический принцип мирозерцания	26
Часть вторая. Mythologumena	
Введение: о мифе и Достоевском как мифотворце	47
I. Зачарованная невеста	51
II. Мятеж против Матери-Земли	64
III. Чужеземец	76
Часть третья. Theologumena	
Введение: о религии Достоевского	97
I. Демонология	105
II. Агиология.	122

Приложения

Приложение I. Вячеслав Иванов о Достоевском.

Выступление в Религиозно-философском обществе, лекции,
подготовительные материалы

1. [Обсуждение доклада С. Н. Булгакова «Русская трагедия» в московском Религиозно-философском обществе. 2 февраля 1914 г.]	144
--	-----

2. [Подготовительные материалы к статье «Основной миф в романе „Бесы“». Февраль — март 1914 г.]	156
3. [Фрагменты черновой редакции статьи «Основной миф в романе „Бесы“». Весна 1914 г.]	157
[Фрагмент 1. Черновой автограф]	157
[Фрагмент 2]	
[2а. Слой текста до правки, по копии М. М. Замятниной] . .	160
[2б. Тот же фрагмент после авторской правки и последующий текст по черновому автографу].	162
[Фрагмент 3. Черновой автограф]	164
4. [Лекции о Достоевском, прочитанные В. И. Ивановым в Бакинском университете, в записях Л. В. Ивановой. 1921 г.] . .	169
5. [Конспекты обсуждения доклада Алексея Крученых о Ницше и Достоевском в Бакинском университете. 9 и 11 мая 1921 г.]	178
[Запись Вяч. Иванова].	178
[Конспективное изложение обсуждения доклада].	179
6. [Лекция В. И. Иванова о «Легенде о Великом Инквизиторе» в записях Л. В. Ивановой и О. А. Шор. 1938 г.]	
[Запись Л. В. Ивановой]	182
[Запись О. А. Шор]	187
7. [Последняя правка книги о Достоевском, переведенной на английский язык Н. Камероном. Весна — начало лета 1949 г.]	190

Приложение II. Рецензии в немецкоязычных изданиях
(перевод О. Л. Фетисенко)

<i>Ганс Барт.</i> [Рецензия на книгу Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика»]	203
<i>Фред Хёнциш.</i> Вячеслав Иванов: Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика	206
<i>Фред Хёнциш.</i> Иванов, Вячеслав: Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика	209
<i>Артур Лютер.</i> [Рецензия на книгу Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика»]	213
<i>Генрих Фельс.</i> Достоевский. Трагедия, миф, мистика В. Иванова, профессора в Павии	214
<i>Альфред Бём.</i> Вячеслав Иванов: Достоевский. Трагедия, миф, мистика	215

Приложение III. <i>И. Н. Голенищев-Кутузов. Достоевский и Вячеслав Иванов (перевод с сербского И. В. Голенищевой-Кутузовой)</i>	220
Приложение IV. Достоевский в жизни и мысли В. И. Иванова (1883–1949). Хроника (<i>составители А. Б. Шишкин и А. Л. Соболев</i>). . .	233
<i>А. Б. Шишкин.</i> Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке . . .	266
<i>М. Б. Плюханова.</i> Труды Вяч. Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа	282
<i>М. Ю. Коренева.</i> О переводе	302
Комментарии (<i>Н. М. Сегал-Рудник, С. Д. Титаренко, О. Л. Фетисенко при участии К. А. Баршта, Л. Л. Ермаковой и К. Г. Исупова</i>)	313
Фрагменты текста, совпадающие или соотносимые с ранними работами В. И. Иванова	444
От составителя	450
Список сокращений	452
Список иллюстраций	455
Указатель имен	459
Указатель произведений Ф. М. Достоевского	471

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ДОСТОЕВСКИЙ В ЖИЗНИ И МЫСЛИ В. И. ИВАНОВА (1883–1949). ХРОНИКА

1883¹. После нескольких лет вольнодумства и атеизма, революционных увлечений — духовный кризис, мысли о смерти, попытка самоубийства. Об этом периоде Иванов позднее вспоминал: «Примечательно, что моя любовь ко Христу и мечты о Нем не угасли, а даже разгорелись в пору моего безбожия. (...) Страсть к Достоевскому питала это мистическое влечение, которое я искал примирить с философским отрицанием религии» («Автобиографическое письмо», 1917; II, 14²).

3—4 марта 1888. Записывает в дневнике: «„Братья Карамазовы“ — творение менее христианское, нежели пантеистическое. Его мир — мир первоначальных стихийных сил, застигнутых в страшной борьбе, мир, где сражаются Ормузд и Ариман, дух и плоть, но где чистая любовь христианина рождается на дикой любви развратника, как чудный цветок вырастает из разложившегося трупа, и где зритель с особенною ясностью видит органические связи, держащие добро и зло в едином и мрачном целом.

Бедный человеческий микрокосм! Бедный писатель! Как он умеет сострадать и любить, и как внутренне развращен и жесток он! Недаром чистый Алеша чувствует в себе роковую карамазовскую природу. Как хочет верить писатель, и как страстно ищет он чуда! Но не случайно то, что тело старца Зосимы вскоре по смерти его издает зловоние. Ужели же не найдет писатель покоя? В его ушах

1 Даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю; для событий, произошедших за пределами Российской империи, — по старому и новому стилю.

2 Ссылки на издание: *Иванов Вяч.* Собр. соч.: [в 4 т.]. Брюссель, 1970–1987. — даются в тексте с указанием тома и страницы.

звучат торжественно-грустные песни русской церкви, в его глазах поднимается крест, он чувствует ясную твердость искупления и мира. Но снизу встает дикий шум бушующих темных сил, и крест скрывается в роях диких несущихся в пространство призраков» ([Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.] / подгот. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана // *ВИМИ* 1999. С. 15–16).

22 сентября 1888. В дневнике: «Люди, как Толстой и Достоевский, были привлечены к христианству в значительной степени благодаря их знанию чело-

века и главное не знанию только типическому, но умению познавать каждого отдельного человека. Этого последнего умения люди бывают большею частью лишены, хотя сами этого не подозревают. Отсюда вечные недоразумения, составляющие главное препятствие христианской нравственности...» (Там же. С. 25).

20 ноября 1889. Письмо А. М. Дмитриевского к Иванову: «Естественно для современного искусства и поэзии обратиться к высшему идеалу, родившему нас. И это обращение совершается: Достоевский, Вл. Соловьев, Надсон, Крамской, Поленов, Фет, Лев Толстой, Кавелин и др. — все они имеют нечто общее в своих идеалах, — это общее и есть возрождающееся христианство» (*Иванов Вяч. Ars Mystica* / публ. и текстолог. заметка Е. В. Глуховой и С. Д. Титаренко; коммент. С. Д. Титаренко // *Символ*. С. 65).

Стихотворение «Персть», после 1895
из сборника Иванова «Кормчие Звезды», 1902

1888–1889. Среди литературных замыслов: «Литература страдания», «Мистическое в произведениях Достоевского», «Революция в поэзии» ([два списка литературных замыслов: Из записной книжки 1888–1889 гг.] / подгот. текста и примеч. Н. В. Котрелева // *ВИМИ* 1999. С. 37–38).

14/27 декабря 1904. «В мой берлинский период его [Вл. Соловьева] сочинения, наравне с творениями Достоевского и Шопенгауера, могущественно

влияти на мое слагавшееся мирозозерцание». (Автобиографическая заметка, приложенная к письму С. А. Венгерову: Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / публ. О. А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 83).

Май 1904. В № 5 журнала «Весы» (цензурное разрешение 15 мая) напечатана статья «Нищие и Дионис». Достоевский именуется здесь «великим мистагогом будущего», цитируется формула «в восторге и исступлении» из «Братьев Карамазовых», кн. 6, гл. III (*По Звездам I*. С. 16. Ср.: *По Звездам II*. С. 81).

Январь 1907. Н. А. Бердяев читает на одной из «сред» на ивановской Башне главу «Великий Инквизитор» из своей будущей книги.

1907. Пишет статью «О веселом ремесле и умном веселии», в которой замечает: «Гениальные творческие силы там, в латинстве, редко поражают ослепительностью своего необычайного явления. Значительная часть новизны отнята у них закономерностью и внутреннею логикой их возникновения, исключаящего то иррациональное и безмерное, что мы знаем и любим в Шекспире и Байроне, Рембрандте и Бетховене, Достоевском и Ибсене. Эти гении чувствуют себя в латинстве гражданами великого города — *Πόλις*, в варварстве — „необузданными“ личностями (как сердито обозвал Бетховена Гёте), индивидуалистами анархического мира» (статья «О веселом ремесле и умном веселии»; III. С. 70).

30 декабря 1908. Делает доклад «О русской идее» в петербургском РФО (закрытое заседание, 8½ часов вечера, в помещении Польского общества любителей изящных искусств на Фонтанке, 83). В газетном отчете сообщалось: «Не называя Достоевского, докладчик повторил его известное определение русского народа как народа богоносца. В последующем возражении своем, отвечая Мережковскому, докладчик сказал, что он нарочно не упоминал Достоевского, потому что вовсе не разделяет взглядов последнего на исключительное призвание русского народа: В. И. Иванов допускает, что и другой какой-нибудь народ или другие народы таят в себе то же предрасположение к христианскому идеалу, как и народ русский, хотя до сих пор докладчику фактически не удалось нигде найти такого яркого воплощения христианской идеи, как именно в русской душе» ([б. н.] В Религиозно-философском обществе // Наша газета. 1909. 1 янв. № 1. С. 4). Об этом же писал другой обозреватель, анализируя генеалогию взглядов Иванова: «Эта вера в особую русскую идею сближает В. И. Иванова с Достоевским. Но известно, что у Достоевского „русская идея“ совершенно определенно связана была с его симпатиями к старому русскому укладу жизни, и действительность всегда является оправданием по существу антихристианских, антихристовых начал русской жизни» ([б. н.] В Религиозно-философском обществе // Новая Русь. 1909. 3 янв. № 2. С. 4—5).

1908. В статье «О „Цыганах“ Пушкина» полемизирует с Достоевским как автором Пушкинской речи: «Здесь Достоевский слишком узко понял Пушкина; если бы он принял его обретение во всей вольной широте его, — широте, до которой не возвышался Байрон, — новою опорой стало бы это постижение для его учения об идее всечеловечества, как нашей национальной идее. (...) Недостаток толкования Достоевского, по нашему мнению, в том, что он выдвигает, несоответственно с намерениями Пушкина, на первый план национально-общественный вопрос и чрез него ищет подхода к религиозному содержанию поэмы» (IV, 317–318; *По Звездам I*. С. 125–126. Ср.: *По Звездам II*. С. 284–286).

Январь 1909. Начало идейного сближения с Андреем Белым, который поселяется на Башне. «Три дня — разговор: бурю мира, — вот, что проповедовал мне В. Иванов, предвидя в трагедии Ницше и в драмах, написанных Ибсенем, — молнии из набегающей над человечеством тучи; Толстой-де весь — кризис сознания, весь Достоевский есть весть о грозе. Образует же общину из бунтарей!» (*Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 352).

27 января 1909. Доклад «О русской идее» повторен в Москве на заседании Литературно-художественного кружка. Ср. в печатном тексте: «Достоевский и Ницше, два новых властителя наших душ, еще так недавно сошли со сцены, прокричав в уши мира один свое новое и крайнее Да, другой свое новое и крайнее Нет — Христу. Это были два глашатая, пригласившие людей разделить на два стана в ожидании близкой борьбы, сплотиться вокруг двух враждебных знамен. (...) Не всегда русский характер умеет останавливаться на (...) пороге, — отсюда своеобразное отношение нашего народа к греху и преступнику, на которое так настойчиво указывал Достоевский. С одной стороны, принцип круговой поруки и хоровое начало распространяется на нравственную сферу до живого сознания соборной ответственности всех за всех, — личное нарушение немедленно как бы снимается всеобщим, мирским признанием коллективной вины с личности, которая возбуждает только сострадание (...). С другой стороны, чисто религиозная реабилитация преступника, сильная, быть может, настолько, что могла бы создать у нас целое религиозное движение грешников (...). Если у Андреева мы читаем укор Христу за то, что он не грешил с грешниками, то еще у Достоевского, в речах Ивана Карамазова, встречались мы с мыслью об аристократичности Христова учения, рассчитанного на силу немногих» (III, 322, 335–336).

1909. В отзыве на книгу Иванова «По Звездам» Бердяев пишет: «Если остановиться на литературных истоках В. Иванова, то прежде всего нужно отметить огромное на него влияние Р. Вагнера и Ницше, отчасти Шопенгауэра, из русских же Достоевского и, лишь отчасти, Вл. Соловьева. И В. Иванов как бы колеблется между Дионисом и Христом, между Вагнером-Ницше и Достоев-

ским-Соловьевым, между дионисической гибелью личности, растворением ее в божественной стихии и христианским спасением личности, утверждением ее для вечности» (*Pro et Contra* I. С. 235).

31 января 1910. Заседание в Христианской секции петербургского РФО. После доклада Д. В. Болдырева «Бранд и Зосима как религиозные типы» — «прекрасную характеристику Зосимы как типа мистического дал Вяч. Иванов в содержательной и красивой речи. Последнее слово разделили Иванов и докладчик» (Дневник С. П. Каблукова // *ВИИМ* 2016. С. 132).

24 или 25 марта 1910. В Петербурге в Литературном обществе читает лекцию «О творчестве Ф. М. Достоевского» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 50. Ед. хр. 14).

8 марта 1911. Первое известное упоминание о лекции «Достоевский и роман-трагедия». Ю. А. Беляевская в этот день сообщала Иванову: «Ваша лекция перенесена на понедельник 21 марта; это немного близко, но приготовить всё успеем, а у Вас вся лекция и теперь уже готова, — я в этом уверена. (...) Завтра посылаю прошение градонач[альнику]. К[а]к только Вы получите разрешение, пожалуйста, попросите Марусю [М. М. Замятинну] без задержки переправить его мне, ч[то]б[ы] не терять времени напрасно. Посылаю Вам телеграмму, к[а]к просила Маруся. Меня смущает первая фраза: Роман Д[остоевского] в связи с литературно-исторической эволюцией романа. Эта конструкция к[а]к-то не укладывается у меня: разве говорят „В связи чего-ниб[удь]?“ В связи с чем-ниб[удь], по-моему, или просто „Роман Д[остоевского] в литературно-исторической эволюции романа“. Очень извиняюсь за критику редакции, но к[а]к-то уж очень не нравится мне эта фраза. Если Вы найдете нужным несколько изменить ее, то пусть Марусенька напишет, и я вставлю тогда Вашу поправку перед печатанием афиши. Наши комиссионные просили передать Вам, что очень благодарят Вас; поднимался даже вопрос о повышении расценки билетов, т[а]к к[а]к уверены в большом спросе на билеты. Я чувствую уже напряжение, к[а]к полководец перед битвой, успех кот[орой] обеспечен» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 51. Л. 16—18 об.).

15 марта 1911. В. К. Шварсалон сообщает М. А. Бородаевской: «Вячеслав всё занят был очередными работами — писал о Толстом большую статью, которая выйдет отдельной брошюрой и в Логосе, теперь готовит лекцию о Достоевском, которую прочтет 21-го в Соляном городке» (Там же. Ф. 218. Карт. 1349. Ед. хр. 14. Л. 3—3 об.).

21 марта 1911. Лекция «Достоевский и роман-трагедия» в Литературном обществе. Большая аудитория Соляного городка (Пантелеймоновская, 2). В газетной хронике сообщалось: «В аудитории Соляного городка Вячеслав Иванов

прочел лекцию о Достоевском. Достоевский является для нас новым Заратустрой, глашатаем индивидуализма, давшим в своих произведениях откровение тончайших внутренних переживаний человеческой души. Он особенно близок народу определением его души, как носительницы Бога, он обнял зорким оком всю жизнь народа и показал в ярких картинах духовный рост национального гения» ([б. п.] Хроника. Общества и собрания // Россия. 1911. 24 марта. № 1640. С. 3). Два билета на эту лекцию сохранились в архиве К. Эрберга (Сюннерберга) (РО ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 144. Л. 10).

23 марта 1911. Ю. А. Беляевская, устраивавшая лекцию «Достоевский и роман-трагедия», пишет Иванову: «К[а]к только отоиду немножко, т[а]к прикачу к Вам, ч[то]б[ы] еще раз поблагодарить Вас и поделиться впечатлениями. У меня осталось светлое воспоминание о том, к[а]к мы сидели на ступеньках эстрады за роялем; к[а]к бывало в дни нашей молодости на публичных лекциях, когда все места бывали заняты, к[а]к на Вашей лекции, и с эстрады раздавались такие же проникновенные слова, какие говорили Вы» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 51. Л. 20–20 об.).

3 апреля 1911. П. Б. Струве, редактор «Русской мысли», пишет Иванову: «Ваша статья о Достоевском в первой доставленной мне ее части пойдет в майской книжке; на гонорар в 100 рублей я согласен, но должен заметить, что такой гонорар (максимальный) в „Р[усской] М[ысли]“ получают очень немногие лица. Будьте добры к 1 мая обязательно доставить для июньской книги окончание статьи и не задерживать корректур майской порции статьи» (Там же. Карт. 35. Ед. хр. 6. Л. 6).

18 апреля 1911. Выступает с докладом «Основы мировоззрения Достоевского» в петербургском РФО (Фонтанка, 83). См.: *РФО в СПб.*: Т. 1. С. 22; Т. 2. С. 551). Повестка: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 50. Ед. хр. 11. Л. 45. В прениях выступают Б. Г. Столпнер, Д. В. Кузьмин-Караваев, Д. С. Мережковский, А. В. Карташев, Д. В. Философов. На следующий день С. П. Каблуков отметил в дневнике: «Вчерашнее собрание РФО было довольно многолюдно. Доклад Вяч. Иванова крайне интересен, хотя и длинен. Он читал более двух часов. Первую часть (литературную) можно было и даже следовало опустить. В 11¼ открыты прения Столпнером и Кузьминым-Караваевым. Их я не слушал и в 11¼ уехал домой» (ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 14. Л. 120–121). Несмотря на это, Каблуков вслед за тем получил подробные сведения о состоявшейся полемике. 22 апреля он записал: «На последнем собрании РФО 18-го апр[еля] после Кузьмина-Караваева стал говорить Мережковский, с пафосом указывая Иванову на неправду Достоевского по отношению к общественности, на его приверженность к православию и самодержавию и резко протестуя против „смирись,

гордый человек“ Достоевского. „Доколе будем смиряться“, — кричал Мережковский. После ответа Иванова стал говорить Карташев, который крайне возбужденно и ударяя кулаком по столу заявил, что М[ережковско]му и Иванову довольно морочить публику умолчанием того, что они знают, но недоговаривают в целях тактики, и что он, Карташев, настолько уважает публику, что считает нужным протестовать против такого морочения. При этом он сказал, что в призыве Достоевского к смирению есть подлинная правда и что революция, мистически святая и приемлемая, на практике есть такая же пошлость и безбожие, как и тот строй, в защиту которого часто выступает Достоевский. Кроме того, К[арташе]в указал, что Мережковский прежде правильнее понимал Достоевского и правильнее судил о нем („Л. Толстой и Достоевский“), чем теперь. После речи Карташева, которого неоднократно перебивал Мережковский, вылез Столпнер и стал говорить, что К[арташе]в хочет ввести еще и „духовную черту оседлости“ для евреев. Это заявление ни к селу ни к городу вызвало резкий ответ К[арташе]ва „Да“, после чего на эстраде все заговорили зараз. Филосовов сравнивал К[арташе]ва с „Бурдановым ослом“, Аничков тщетно старался восстановить порядок, долго звонил, потом стал говорить сам какую-то чепуху, затем разговаривали Карташев и Мережковский при вмешательстве Иванова и внезапно прервали разговор на слове „недоразумение“. Был 1 ч. пополудни, и заседание закрылось само собой. Это рассказано мне [А. П.] Никифоровой и [С. Ф.] Знаменским» (Там же. Л. 168—169. С ошибочной датировкой частично опубл.: *Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907—1917): Хроника заседаний.* СПб., 2007. С. 117).

22 апреля 1911. Этим днем датировано письмо редактора «Ежегодника Императорских театров» Н. В. Дризена к Иванову: «В среду, 4 мая, состоится у нас последнее самое заседание, посвященное на этот раз докладу В. И. Немировича-Данченко „О постановке Братьев Карамазовых на сцене Московского Художественного Театра“. В прениях по этому докладу выступят Д. С. Мережковский и К. С. Станиславский. Оба, во всяком случае, будут на собрании, а следовательно, примут участие в беседе» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 21. Л. 17).

Май 1911. Опубликована первая часть статьи «Достоевский и роман-трагедия» (Русская мысль. 1911. Кн. 5 (Май). Отд. II. С. 46—61).

4 мая 1911. Доклад В. И. Немировича-Данченко в редакции «Ежегодника Императорских театров», на который Иванов был приглашен Н. В. Дризенем. Отчет о возникшей после доклада полемике был опубликован Д. В. Филосовым (*Филосов Д. В. Споры о задачах театра // Речь.* 1911. 7 мая. № 123. С. 2). В частности, там говорилось: «Вячеслав И. Иванов занял позицию примирительную, так сказать, экзотерическую. Он приветствовал постановку как

первый серьезный шаг к реформе театра. Истинный *трагик* — Эсхил, по собственным словам, „питался крохами Гомера“, крохами *эпоса*. Рапсоды, рассказывавшие отдельные эпизоды эпоса, были предвозвестниками трагедии. Эпос Достоевского — роман-трагедия по преимуществу. Художественный театр взял на себя как бы роль рапсодов и тем приуготовил путь к возрождению будущей трагедии. Правда, Художественный театр по преимуществу театр *натуралистический*, но ведь и Достоевский облек свою символическую трагедию в натуралистическую форму, а потому внутреннего противоречия между Достоевским и душой московского театра нет» (*Философов Д. В.* Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912. С. 183).

11 мая 1911. В. Я. Брюсов пишет Иванову, откликаясь на переданную в «Русскую мысль» его статью «Достоевский и роман-трагедия»: «Очень рад, что ты, наконец, участвуешь в „Русской мысли“; статья твоя очень хороша» (Переписка [В. Я. Брюсова] с Вячеславом Ивановым / предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 534).

28 мая 1911. Отвечает Брюсову на его письмо от 11 мая: «Рад, что статья о Достоевском тебе понравилась и что сотрудничаю, наконец, в твоём журнале» (Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка / публ. А. Л. Соболева // ВИИМ 2016. С. 363).

Июнь 1911. Выходит вторая часть статьи «Достоевский и роман-трагедия» (Русская мысль. 1911. Кн. 6 (Июнь). Отд. II. С. 1–17).

Август 1911. В журнале «Аполлон» — отклик В. А. Чудовского на статью «Достоевский и роман-трагедия» (цит. в статье А. Б. Шишкина; см.: наст. изд., с. 000).

28 января 1912. М. М. Замятина, находясь в гостях у Эрнов в Риме, общается Иванову: «Я сообразительно захватила с собой Ваши, Вячеслав, статьи о Дост[оевском] и о Толст[ом], кот[орые] и привезла Вл[адимиру] Фр[анцевичу] как подарок и уж к[а]к его ими обрадовала» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 19. Л. 8).

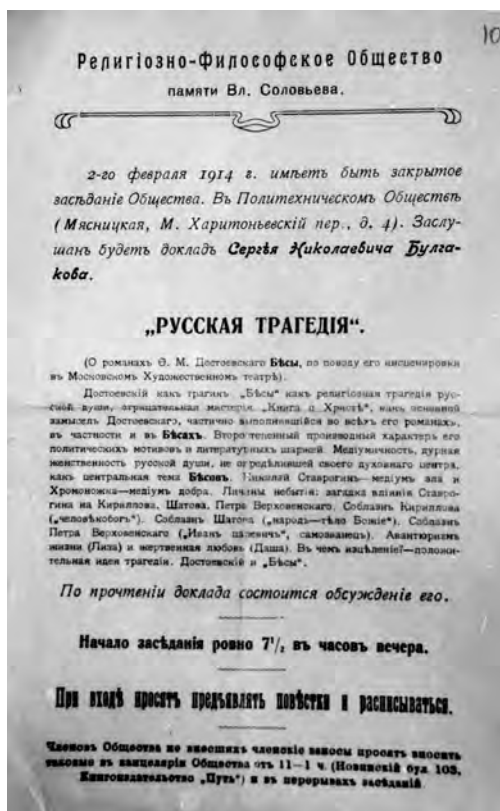
Ок. 1913. Из недатированного письма А. Н. Толстого: «Дорогой Вячеслав Иванович, редакция „Маски“ поручила мне спросить Вас — согласились бы Вы участвовать в диспуте, посвященном „Бесам“. Или точнее: может ли и когда может заехать к Вам Ф. Ф. Комиссаржевский для переговоров по предмету этого диспута» (цит. по: *Гончарова Н. Г.* Письма А. Н. Толстого Вяч. Иванову // А. Н. Толстой: Новые материалы и исследования / отв. ред. В. В. Петелин. М., 1995. С. 169).

26 января 1914. Выступая на заседании РФО по поводу исключения В. В. Розанова, среди прочего говорит, что за взгляды пришлось бы исключить и Достоевского (см.: *РФО в СПб.* Т. 2. С. 437). Эта реплика вызвала недоумение юной Е. М. Тагер, писавшей на следующий день Иванову: «Вы сказали вчера, что нам пришлось бы осудить Достоевского. Да кого же из гениальных писателей судили так усердно как его?! И судили, и осудили. Но умалило ли это нам Достоевского? Не приобрели ли его слова особую силу и особый смысл, именно потому, что это были слова *осужденного гения, осужденного пророка*. И не потому ли он особенно потрясаяще изобразил нам людей судимых и осуждаемых, что сам был таким? Не побледнели ли бы его страницы, если б при жизни к нему применяли теорию неподсудности, как Вы к Розанову?» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 15. Л. 1).

2 февраля 1914. Выступает на обсуждении доклада С. Н. Булгакова «Русская трагедия» в московском РФО (*ВИМИ* 1999. С. 64; наст. изд., с. 000). Текст выступления положен в основу статьи «Основной миф в романе „Бесы“» (см. далее).

1 марта 1914. А. А. Татаринова, секретарь редакции журнала «Русская мысль», напоминала: «... редакция желала бы знать, когда Вы предполагаете прислать Ваши переводы Петрарки, а также заключение к докладу С. Н. Булгакова о „Бесах“» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 88. Ед. хр. 62. Л. 3 об.). Речь идет о статье «Основной миф в романе „Бесы“» (см. далее).

Апрель 1914. Опубликована статья «Основной миф в романе „Бесы“» (*Русская мысль*. 1914. Кн. 4 (Апрель). Отд. II. С. 111–117).

Повестка заседания московского Религиозно-философского общества 2 февраля 1914 г.

30 сентября 1914. В. Ф. Эрн сообщает своей жене Е. Д. Эрн: «Вчера я весь вечер провел с Волжским. Он пришел ко мне и к Вяч[еславу], и мы очень мило и дружно беседовали о всяких материях, много о Достоевском, еще больше о войне и России. Волжский впервые увидел близко Вяч[еслава] и остался им совершенно очарованным. Вяч[еслав] тоже мне изливался потом по поводу Волжского, так что я лично был чрезвычайно доволен, ибо до сего находился в положении того третьего лица, о котором только что говорил, а теперь линия дружеских чувств перекинулась непосредственно от Волжского к Вячеславу и от Вячеслава к Волжскому» (Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 599).

2 декабря 1914. Выходит интервью с Ивановым, где он, в частности, сказал: «Я согласен с Достоевским, что русское дело — всечеловеческое. В силу вещей, Россия создает себе гегемонию в славянстве, и я надеюсь, что русская литература, еще до этого завоевавшая всемирное первенство, будет на высоте своего призвания и выразит заложенную в ней славянскую идею. Эта новая русская литература должна быть религиозной, как у Достоевского и Толстого» (Война и писатели. У Вячеслава Иванова // Голос Москвы. 1914. 2 дек. № 277. С. 4).

18 марта 1915. Выходит статья «Живое предание», где, в частности, говорится: «Мы — бывшие „русские мальчики“ Достоевского, сверстники Алеши Карамазова, выбравшие его в детской игре своим Иваном-Царевичем. Алеша — символический собирательный тип, который напрасно считают невыясненным и о котором стоит в другой раз повести беседу, — тип людей нового русского сознания, напророченный Достоевским и им порожденный. И потому, если определять представителей того умонастроения, которое продиктовало эти строки, то назвать бы — „алешинцами“! Бердяев с „алешинцами“ быть не хочет; его „Иван-Царевич“ — едва ли не Николай Ставрогин, — не такой, конечно, каким он оказался в изображении своего собственного создателя и, нужно думать, по Бердяеву, искажителя, но субстанциально тот же, только исправленный и подновленный» (Живое предание: Ответ Н. А. Бердяеву // Биржевые ведомости. 1915. 18 марта. № 14734. Утр. вып. С. 2; цит. по: III, 344, 347).

8 апреля 1915. Напечатан ответ Бердяева на статью «Живое предание»: «В. Иванов делает попытку создать платформу и программу из образа Алеши Карамазова и образует новый термин „алешинцы“. Но самый большой недостаток образа Алеши именно в том, что его так легко превратить в платформу и программу, что у самого Достоевского он был проповедью и моралью. Алеша показателен для великих исканий Достоевского, но художественно он ему

не удался, он выдуман. Не в Алеше нужно искать великих достижений Достоевского, его подлинных прозрений и откровений. Можно ли сравнить Алешу с волнующим и потрясающим образом князя Мышкина, настоящим откровением христианского дионисизма?» (*Бердяев Н. А.* Омертвевшее предание // Биржевые ведомости. 1915. 8 апр. № 14771. Утр. вып. С. 2; то же: *Бердяев Н. А.* Мутные лики. Типы религиозной мысли в России. М., 2004. С. 109).

11 ноября 1916. Из Сочи пишет М. М. Замятниной: «Посылаю Вам статью „Старая или новая вера?“ о Бердяеве для „Утра Р[оссии]“. За сею посылкой вскорости имеет последовать отправка тройного фельетона под заглавием „Лик и личины России“, состоящего из трех внутренне замкнутых, каждая в себе, статей, а именно: I. Люцифер и Ариман. — II. Святая Русь и Ариманова Русь. — III. Об Алеше Карамазове (заглавие третьей, впрочем, еще окончательно не установлено). Этими четырьмя статьями с вашего отъезда занят; не написана еще только последняя, но обдумана. Кроме сего, прочел: Леонардо да Винчи, Мережковского (раньше не читал); статью его же о Достоевском и др. ...» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 34. Л. 20). Подробнее см. наст. изд., с. 000.

14 декабря 1916. В. К. Шварсалон, сообщая М. М. Замятниной, что «Вячеслав кончил наконец четвертую и последнюю статью из цикла „Лик и Личина <так!> России“», добавляет: «Эти статьи не подходят к „Утру России“ ни по размерам, ни по духу, так что Вячеслав послал телеграмму Франку о том, могут ли они поместить все их в январе. <...> Если, что очень вероятно, ответ будет отрицательный, то он сразу пошлет их печатать в „Родное и Вселенское“» (Там же. Карт. 37. Ед. хр. 18. Л. 51 об.). В результате вместо изначально предполагавшегося «Утра России» статьи были напечатаны в журнале «Русская мысль».

Январь 1917. Выходит статья «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (Русская мысль. 1917. Кн. 1 (Январь). Отд. II. С. 16–43).

24 февраля 1917. Из письма С. Н. Дурылина: «Я прочел только что Вашу статью „Лик и Личины России“, и меня потянуло написать Вам несколько слов. В статье Вашей, в том месте, где Вы говорите о безгрешной Церкви-существо и греховной оболочке церкви-учреждения, церкви-коллектива, церковно-пастыре-должностного, мне почуялось то, что я давно искал у Вас...» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 28. Л. 2).

16 августа 1918. Из письма С. А. Аскольдова: «Вашу книгу с интересом прочел и [с] особенно сильным „Лик и личины России“. Ваша „апология“ Люцифериянства не так страшна и в основном для меня приемлема. Вообще многие Ваши истолкования приводят меня в восхищение прояснением смысла тех или иных идей и сюжетов. <...> Вообще как хочется теперь погружаться и в Достоевского, и других ему сходных, но нет времени, да и книги все брошены

в Петрограде. Да и это бегство в прошлое, как ни приятно, приводит к еще более ошеломляющим впечатлениям от настоящего» (Там же. Карт. 11. Ед. хр. 19. Л. 7 об.—8 об.).

7 ноября 1918. Произносит речь на открытии памятника Достоевскому в Москве. «С момента большевицкого переворота ВИ отказывался от какого-либо участия в общественной и государственной деятельности, хотя его не раз, и почтительно, приглашали. <...> но вот к дому, где он жил, подъезжает автомобиль. И его просят ехать для открытия памятника Достоевскому. В этом отказать он не мог; сел, поехал, произнес речь» (*Троцкий С. В.* Воспоминания / публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 71).

12 или 14 ноября 1918. Выступает с докладом «Дети в произведениях Достоевского» на 1-м вечере памяти Достоевского в помещении театра «Летучая мышь».

Вторая половина 1918. Читает в одном московском семинаре с К. Д. Бальмонтом, М. О. Гершензоном, Андреем Белым, Н. А. Бердяевым и А. А. Сидоровым лекции «О мистике любви в произведениях Тургенева», «Об „Идиоте“ Достоевского».

1919–1920. Набрасывает план книги «Страницы литературной критики», второй раздел ее, посвященный русской литературе XIX в., выглядит следующим образом:

Пушкин. Цыганы. Miscellanea.

Роман и трагедия

Бесы

Достоевский

Идиот

Лик и личины России

Л. Толстой и культура.

Тургенев.

(*По Звездам II*. С. 61).

Конец ноября 1920. Избран профессором Бакинского университета, где начинает читать курсы: «История греческой трагедии» (2 часа в неделю), «Данте и Петрарка» (2 часа в неделю), «Достоевский» (2 часа в неделю), «Эсхил» (2 часа в неделю), «„Ars poetica“ Горация» (2 часа в неделю). По воспоминаниям А. О. Маковельского, «он читал в первой аудитории <...> вмещалось туда человек 600–1000, собирались студенты всех факультетов, стояли в проходах» (*Кот-*

релев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Тарту, 1968. С. 327). Курс о Достоевском читается в 1921/22 и 1922/23 академических годах.

17 января 1921. В разговоре с учеником, рассуждая о литературе, говорит: «Да и вообще после Достоевского не было у нас ничего первоклассного» (Альтман. С. 27).

18 января 1921. Разговор с М. С. Альтманом¹:

«— Женщина, — сказал В., — это не человек, но не ниже его, а или выше его, или совсем другое. <...> вдруг встретишь среди них одну и сразу замрешь, всплеснув руками, — чудо! Счастлив, кому это даровано. Вот и вчера (в лекции о Достоевском), говоря о „Хозяйке“, коснулся я этой темы, но только коснулся. Я не хотел на эту тему говорить „умно“, ибо в этом случае говорить «умно» было бы глупо, я хотел только обратить внимание — здесь вот мелькает она, „Хозяйка“, вечно-женственное здесь проглядывает, то, что Достоевский, с такой силой впоследствии изобразит в Настасье Филипповне и Грушеньке. Настасья Филипповна — вот оно то чудо, о котором я говорил, и в сравнении с ней что Аглая? Как мог, как смел Мышкин колебаться (здесь он подлинный идиот), он, который так сразу, по одной фотографической карточке, проник в это чудо?

— *По-моему, — возразил я, — Аглая не уступает Настасье Филипповне, и я не знаю, кого бы и я на его месте выбрал.*

— Какой может быть тут выбор, это из-за колебаний Мышкина и зарезана Настасья Филипповна. Рогожин, вот тот знал женщин и знал, что Настасью Филипповну можно только зарезать.

— *Почему только зарезать?*

— В этом пункте мы или, как авгуры, можем пересмеиваться, или, как посвященные, только мигнуть друг другу, говорить же тут не приходится. А Вы, — сказал В. мне, — многое постигли, многое понимаете, но этого Вы не знаете». (Там же. С. 28–29).

20 января 1921. Разговор с М. С. Альтманом:

«— *В этом вы опять наследник Достоевского, — сказал я.*

— Да, я себя абсолютно чувствую духовным сыном Достоевского, настолько во мне его наследство.

— *Не отсюда ли и Ваш грех непонимания Толстого, ибо это — грех.*

— Не соблазняйте меня, — сказал В. („Не введи меня во искушение“, — сказал В. по-гречески), — я вовсе не должен всё любить» (Там же. С. 32–33).

1 Здесь и далее реплики М. С. Альтмана даются курсивом.

21 января 1921. Разговор с Альтманом: «Любовь умел изображать тонко и глубоко Гёте, а также Достоевский. Но в жизни своей Достоевский любви не знал такой: ни к первой, ни ко второй жене не испытывал он ничего подобного тому, что им в его произведениях изображено. Вот Тютчев, тот испытывал ее весьма сильно и на закате своих дней. Об этом свидетельствует и жизнь его, и творчество» (Там же. С. 35).

26 января 1921. Разговор с Альтманом:

« — ...Помните у Достоевского (в „Идиоте“ сцена, где Рогожин показывает Мышкину зарезанную Настасью Филипповну), где муха, вдруг проснувшись, с жужжаньем пролетает над телом умершей. О чем здесь муха говорит? Она говорит о неподвижности, что Настасья Филипповна уж настолько труп, что муха уже носится с угрозой над ней.

— Да, это место глубокое. Ну встречается ли что-нибудь подобное у Толстого? Или есть ли такие бездны у Толстого, как сон Раскольников (о лошаденке, которую до смерти забивают) и сон Мити Карамазова (о „дите“)» (Там же. С. 41).

12 февраля 1921. Разговор с Альтманом: «Человек должен быть мудрым и глупым: всего хуже умники — и они-то наибольшие дураки (Разумихин у Достоевского в „Преступлении и наказании“). Пушкин, вот кто это знал. И вообще он многое знал, он почти безошибочен. И если Пушкин что-нибудь сказал о красоте, о поэзии — это так. Я клянусь на Пушкине. Вот я, даже Достоевский немного, ну хоть в чем-нибудь коммунисты. Пушкин, тот вот ни на капельку» (Там же. С. 51).

20 февраля 1921. Разговор с Альтманом:

« — Митя Карамазов, — сказал я, — страдает не за отца, которого он хотел убить (он, может быть, только с разбега хотел его убить, эмпирически, а не онтологически), а за Илюшу, за „дитё“; оттого ему и снится „дитё“, что он ребенка обидел. Да и вообще весь роман Достоевского об отце Карамазове и его сыновьях есть некое сказание об Отце и Сыне. Иван Карамазов презрел идею Отца (он воистину и хочет его убить, и двойником своим Смердяковым убивает), но ратует за Сына. Митя, напротив, чтит Бога-Отца, но о кротком Сыне забыл. И оба не помнят о Матери и Духе. Помнит о них Алеша. Но мы имеем только „эпизод из юности наших героев“; по замыслу Достоевского, Алеша еще должен был жить в миру и там, полагаю я, пасть и тоже некое принять страдание.

— Нет, — сказал В., — с последним я не согласен. Алеша не падет, он будет близок к этому, но его спасет страдание Мити. И вот почему. Конечно, Митя

во многом виноват, и он должен пострадать. Но Достоевский (и в этом подобен он Данте) взвешивает вину и искупление на каких-то тончайших гомеопатических весах, и страдание невинно осужденного на каторгу Мити перевешивает его вину, он страдает не только за себя, но и за всех своих братьев и за отца, он как бы принял на себя грех всего своего дома, и в том числе и будущий грех Алеши. Вот почему Алеша больше не согрешит: Митя его заранее искупил. Распятие Мити искупило весь первородный грех дома Карамазовых (а дом Карамазовых, возможно, вся Россия), в этом миссия Димитрия, миссия искупителя. Миссия же Алеши совершенно иная, он зачинатель совсем особого. Он как бы основатель новой соборной религиозности, он основывает как бы кружок „мальчиков“, связанных общей единой святыней, общей памятью о великомученике Илюше, и ими должно начаться некое новое религиозное сознание человечества, новая фаза, может быть, религия Духа. Таково мое мечтание об Алеше. Только мечтанье. Но кое-какие тому намеки даны Достоевским безусловно» (Там же. С. 54–55).

20 февраля 1921. Сообщает Ал. Н. Чеботаревской о читаемых лекциях, номером третьим обозначен «курс о Достоевском (2 часа) — слушателей очень много; пишутся серьезные рефераты, и обсуждение одного из них было целым событием в университетской жизни» (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 273).

9 или 11 мая 1921. Присутствует на докладе А. Е. Крученых (1886–1968, в то время заведующего отделом бакинского РОСТА) о Достоевском и Ницше на заседании кафедры западных литератур Бакинского университета; участвует в обсуждении (см. Приложение I: наст. изд., с. 000).

13 мая 1921. Присутствует на докладе А. Крученых «Об эпитете „дикий“ у Пушкина» в литературной секции при Бакинском университете и участвует в прениях (*Циглер Р.* Заметки о поэтике Вяч. Иванова бакинского периода // *ВИБ.* С. 18).

27 августа 1921. Разговор с Альтманом: «Но имена имеют огромное определяющее значение для всего характера и судьбы человека. Вот Флоренский удивительно умел об этом рассказывать. Каждое имя умел он проследить в идеальном плане и потом (нарисовывая почти живой карикатурный образ) — в эмпирии. {...} Федора Павловича Карамазова, полагаю я, прежде всего следует понимать так: Федор Достоевский изображает в Федоре Карамазове житие великого грешника — себя самого.

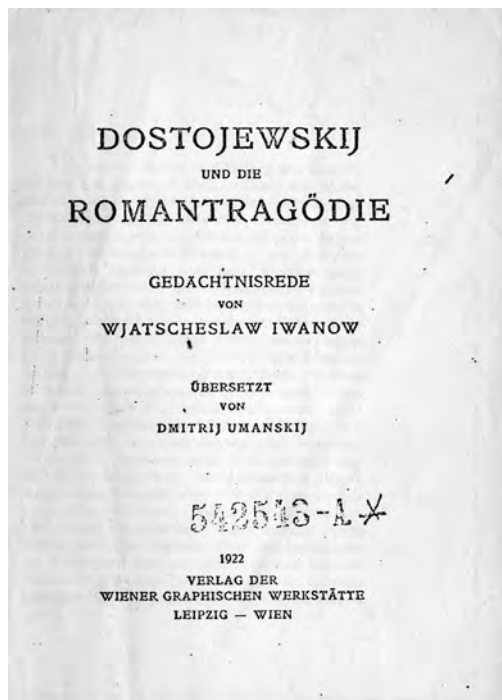
— *А отчество почему тогда Карамазова не Михайлович?*

— Да потому, что акт раскаянья и кару может произвести Достоевский над собой, но не над отцом своим. Отец в другом плане. Как это замечательно, что

в новой литературе писатели направляют значительную часть своей интуиции на имена» (Альтман. С. 76–77).

Начало февраля 1922. Перед спектаклем в бакинском театре на бенефисе П. Н. Орленева выступает с речью о «Братьях Карамазовых» Достоевского (Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 334).

Весна 1922. Читает в Бакинском университете курсы «История греческой литературы», «Поэтика», «Данте и Петрарка», семинар «Достоевский и Пушкин» (Там же. С. 326).

Титульный лист брошюры «Достоевский и роман-трагедия» в переводе Д. Уманского

1922. В Вене в переводе Д. А. Уманского на немецкий язык выходит статья Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (*Iwanow W. Dostojewskij und die Romantragödie*. Leipzig; Wien: Verlag der Wiener Graphischen Werkstätte, 1922).

28 августа 1924. Уезжает с семьей из Москвы, сознавая, что покидает Россию навсегда. «Осуществлялось, наконец, страстное желание Вячеслава: — „Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть“» (Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 125).

25 ноября 1924. Соглашается на предложение Е. Д. Шора и Ф. А. Степуна издать на немецком языке в Германии отдельной брошюрой статью «Dostojewsky als tragischer Dichter» («Достоевский

как трагический писатель», нем.). В письме к Шору говорится: «Возвращаясь к Достоевскому, я думал бы, что брошюра (*D[ostojewsky] als tragischer Dichter*) могла бы быть первым номером серии, которая продолжалась бы примерно так: *Dostojewsky als Mystiker* [Достоевский как мистик, нем.] — точнее, о религиозном идеале Достоевского (Д[остоевский] как мифотворец, μυθολοιός — etwa [может быть, нем.] *D[ostojewsky] als Mythenbildner* или в этом роде). В качестве № 2 могла бы пойти статья *Лик и личины России* — к исследованию идеологии Д[остоевского], появившаяся в *Русской мысли* за 1917 г. и перепечатанная в моем сборнике *Родное и Вселенское*, коего единственный (и редчайший

теперь) экземпляр есть у меня, в Риме» (цит. по: *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // *ВИВ*. С. 534–535).

3 декабря 1924. В. А. Мануйлов в Баку пишет Иванову в Рим: «Достоевским заменяю разговоры с Вами» (цит. по: *Лавров А. В.* В. А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // *ВИИМ* 2016. С. 648).

4 декабря 1924. Запись в дневнике: «Могу ли я вообще быть интересным, даже только приемлемым современности? Об „Идиоте“ всё же писать можно и нужно» (III, 852).

10 декабря 1924. Предлагает М. Горькому эссе для журнала «Беседа»: «А вот не напечатаете ли Вы этюда об „Идиоте“ Достоевского — теперь переводят на немецкий кое-что из моих работ по этому автору» (цит. по: *Компелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа» // *Europa Orientalis*. 1995. Vol. XIV, 2. С. 196).

24 декабря 1924. Пишет Е. Д. Шору: «Принялся за переработку, с дополнениями и введением, своей статьи „Лик и личины России“, которая должна предстать издателю как „Dostojewsky als Religionslehrer“ [Достоевский как религиозный учитель, нем.] или под иным названием в этом роде. Хотелось тотчас выслать Вам текст печатный с письменными дополнениями, но я еще не готов» (цит. по: *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции. С. 536).

29 декабря 1924. Сообщает В. Ф. Ходасевичу: «Пишу для „Беседы“ об „Идиоте“» (Четыре письма В. И. Иванова к В. Ф. Ходасевичу / публ. Н. Н. Берберовой // *Новый журнал*. 1960. Кн. 62. С. 286). Отдельной статьи об «Идиоте» написано не было.

27 января 1925. Пишет Ал. Н. Чеботаревской: «Скоро должна выйти в Германии моя книжечка „Dostoyewsky als tragischer Dichter“ (второй и исправленный перевод статьи „Достоевский и роман-трагедия“), за которую приходится мне 100 марок; может быть, будет и продолжение» (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской. С. 292).

15 марта 1925. Ф. А. Степун пишет Иванову из Парижа в Рим: «„Достоевский“ Бердяева уже вышел по-немецки» («О прозе для „Современных записок“ обещаю серьезно подумать. А покамест все угощаю Вас стихами»: В. И. Иванов / публ. А. Б. Шишкина // *Современные записки* III. С. 946). Подразумевается книга: *Berdjajew N.* Der Sinn der Geschichte. Versuch einer Philosophie des Menschengeschickes / Mit einer Einleitung des Grafen H. Keyserling und einem Nachwort des Übersetzers O. Freiherr von Taube. Darmstadt: Otto Reichl, 1925.

22 марта 1925. В письме к Ф. А. Степуну во Фрайбург рассказывает о переживаемом им кризисе и в заключение спрашивает: «Присылать ли для

перевода „О религии Достоевского“?» («О прозе для „Современных записок“ обещаю серьезно подумать» // *Современные записки* III. С. 952).

17 мая 1925. Историк-медиевист, профессор Флорентийского университета Н. П. Оттокар, описывая Иванову усилия, предпринятые для получения последним преподавательского места во Флоренции, прибавляет: «Впрочем, надеюсь, что Вы во всяком случае приедете сюда для прочтения лекции о Достоевском» (Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову / публ., примеч. С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 3. С. 513).

25 мая 1925. Пишет Е. Д. Шору: «Что касается до статьи о религии Достоевского (заглавие коей должно быть, в соответствии с ее содержанием, не *Dostojewsky als Mystiker*, а скорее *D[ostojewsky] als religiöser Denker*, или, еще лучше, *D[ostojewsky]s Religion*, — предоставляю Вам окончательную формулировку, указывая только, что статья представляет собой попытку очертить религиозное мирозерцание, даже определить религиозное учение, — sic! — Достоевского), — l'appetit vient en mangeant [аппетит приходит во время еды, *фр.*], и я решил то, что было раньше напечатано, существенно переработать и прежние рамки широко раздвинуть. Итак, Вы получите не печатную статью с купюрами и с вставками, но целую рукопись новой во многих частях работы. По-немецки, одним словом, должен выйти новый *essay*, а не прежняя моя статья. (...) Я не знаю, довольны ли Вы этой затеей, но иначе мне поступить нельзя. Той же работы (о религии Достоевского) ждет и одно итальянское издательство» (*Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции. С. 540).

8 июня 1925. Из письма Ф. А. Степуна: «Мне не хочется сейчас особенно в Европе жить русским кризисом: бездной, перерождением; не хочется ощущать Достоевского как стержневую тему России. (...) Я ненавижу „благородных“ коммунистов, которые любят сейчас достоевски-шекспировской трагедией России» («О прозе для „Современных записок“ обещаю серьезно подумать» // *Современные записки* III. С. 954).

11 июля 1925. Пишет Е. Д. Шору: «Что касается Достоевского, действительно, невыход в свет первого выпуска в течение столь долгого времени породил во мне сомнения в осуществимости установленного плана. Ваши новые сообщения ставят всё это под иной угол зрения. Конечно, будет лучше соединить все этюды в одну книжку; я уже и думал о таковой как о некоем целом. Книжка состояла бы из глав:

1. Dostoevski als tragischer Dichter
2. D[ostoevski] als Mythendichter (О *Бесах* и о *Идуоте*)
3. D[ostoevski] als Religionslehrer.

Как бы то ни было, я теперь занят этим последнем этюдом (о религии Достоевского)), и когда закончу его, Вам вышлю. Нужно заметить, что этот этюд, по своему объему, более чем двойной сравнительно с другими» (*Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции. С. 543).

29 октября 1925. Е. Д. Шор сообщает, что издатель Йозеф Вайбель согласен публиковать книгу и что переводчиком на немецкий будет лектор Фрайбургского университета Александр Креслинг (IV, 763).

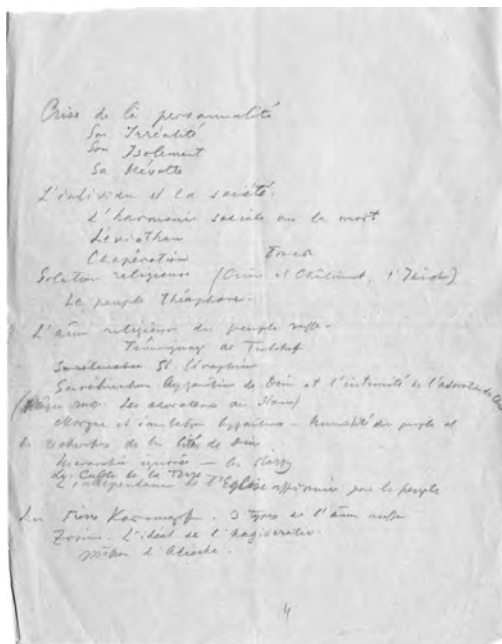
2 апреля 1926. А. Креслинг пишет Иванову о значительной помощи, полученной от Е. Д. Шора при работе над своим переводом на немецкий язык статьи «Достоевский и роман-трагедия»: «Я эту статью очень полюбил; полюбил не за одно только ее содержание или внешний стиль, но и за многое, что трудно передать словами — и еще труднее сохранить при переводе на другой язык: за ее ритм, за созвучие лейтмотивов и образов, за совершенно для меня (в научных работах) новое внутреннее содержание, оплодотворяющего мысль и обогащенного ассоциациями слова. При переводе меня очень огорчало, что местами удавалось всего только передать срубленное „содержание“ без всей той музыкальной и подпочвы, из которой оно выросло» (РАИ. Оп. 5. Карт. 6. Папка 5).

24 апреля 1926. В лекции «Дионис и прадионисийские культы», прочтенной в культурной ассоциации «Чирколо ди Рома» в зале дворца Дориа Памфили, утверждает: «Достоевский еще раньше Ницше по-своему проповедовал освобождение духа, плененного в узко индивидуальном сознании, утверждая: „живую мать-землю целуйте, ищите восторга и исступления“. И Ницше и Достоевский — последователи Диониса, но как различна их воля, как различна их цель, как скрытый платонизм Достоевского противоположен борьбе Ницше с трансцендентной концепцией Платона!» (оригинал на ит. яз. см.: *Ivanov D. Dioniso e i culti predionisiaci di V. Ivanov // Dalla Forma allo Spirito. Milano, 1989. P. 221—222*). На лекции собралось 100—150 человек, в том числе Ф. Ф. Зелинский и П. П. Муратов.

24, 26, 28 и 31 января 1927. Читает лекции в Павийском университете на темы: «Русская церковь и религиозная душа народа», «Тезис и антитезис: западники и славянофилы», «Толстой и Достоевский» (*ВИИМ 2016. С. 399—423*).

13 апреля 1927. Из письма Ф. А. Степуна: «Весь сентябрь у нас гостила, как Вы вероятно знаете, Ольга Александровна [Шор], и мы с нею много беседовали о Вас и Вашем, о Вашем Достоевском, Ваших стихах» («О прозе для „Современных записок“ обещаю серьезно подумать». // *Современные записки III. С. 958*).

9 мая 1927. Пишет из Павии дочери и сыну в Рим: «Рибольди [ректор колледжо. — *Сост.*] (...) любит Россию за ее духовность, в Достоевском видит совмещение и Данта и Шекспира, уверен, что *anima del popolo* [душа народа, *ит.*] не может измениться и пророчит светлое. Были огромные споры о России...» (Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией / вступ. ст. Ф. Лесур; подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко; коммент. С. Кулюс и А. Шишкина // *Символ*. С. 551–552).

Конспект лекции о Достоевском
в Павийском университете, январь 1927

(Paul Siebeck)».

6 мая 1928. Герберт Штайнер предложил поместить подборку статей об Иванове в газете «Neue Schweizer Rundschau», в том числе и фрагмент из книги о Достоевском (*Briefwechsel*. S. 87–88).

28 августа 1928. Пишет Е. Д. Шору: «Жажду выхода в свет книги о „Достоевском“. Даже ропщу на издательство за небрежение к ней. Я считаю ее книгой значительной, но, видимо, в нее не верят» (IV, 763).

Ноябрь 1928. Историк религии Э. Буонаюти публикует в издаваемом им журнале собственный перевод первых трех глав второй части статьи «Достоевский и роман-трагедия» (*La visione del mondo di Dostojewski* // *Ricerche religiose*. 1928. Vol. IV. № 6 (Nov.). P. 538–549). Перевод не был авторизован

7 декабря 1927. Пишет из Павии к О. А. Шор в Рим: «...не могу даже распутать того, что напутал когда-то в „Достоевском“ о Душе Мира — и я бессильно бьюсь над должною редакцией этого места (но и ряда других), и рукопись бедного Креслинга всё лежит на письменном столе» (Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор / предисл. А. А. Кондюриной, публ. А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Ригици и А. Б. Шишкина // *РИА* III. С. 270).

Конец 1927. Издатель Вайбель принимает решение отказаться от публикации немецкой книги Иванова о Достоевском. Е. Д. Шор начинает переговоры с тюбингским издательством «J. C. V. Mohr

(Дэвидсон П. Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898—1949 / под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2012. С. 143).

22 марта 1929. Иванов «готовит <...> книгу о Достоевском по-немецки: переводы и переделки и добавления к бывшим статьям. <...> Сам он сделался немного менее грустным...» (Письма Лидии Вячеславовны Ивановой к Елене Александровне Миллиор. 1924—1939 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме; вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т. В. Мисникевич; Рим; СПб, 2019. С. 28. [Электронный ресурс:] <https://u.to/GeL5GA>. Режим доступа: свободный).

24 апреля 1929. Пишет из Павии сыну в Рим: «Работаю над несчастным „Достоевским“, завалившимся слишком долго» (Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией / *Символ*. С. 581).

23 сентября 1929. Отвечает на предложение Е. Д. Шора издать по-русски книгу о Достоевском: «Идея превосходная... но издание книги в эмигрантском издательстве немедленно прекратило бы получение академической пенсии из Цекубу. А анонимно „Совр[еменные] Записки“ книги, вероятно, не издадут? А может быть — всё же! — Я думаю, что Вы лучше осведомлены о моих отношениях с советскими властями. Остается — *post mortem*?» (Иванов — Шор / подгот. текста и коммент. Д. Сегала, Н. Сегал (Рудник) // *Символ*. С. 352).

18 ноября 1929. Пишет О. А. Шор из Павии в Рим: «...гляжу на свою статью о „Бесах“, как баран в воду, и о Кириллове всё ищу немногих, но правильных слов — и не нахожу» (Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор // *РИА III*. С. 389).

Конец 1920-х. Иванов «воспринимает Переслегина как современный и поэтому метафизически заниженно истолкованный вариант Ставрогина. <...> [Степун] выбрал звучание фамилии своего героя, сознательно ориентируясь на героя Достоевского» (Письмо Ф. А. Степуна к Ю. П. Иваску от 1 сентября 1956 г., в котором пересказывается содержание утраченного письма Иванова к Степуну // *Современные записки III*. С. 948).

29 августа 1930. Пишет к О. А. Шор из Давоса в Рим: «Я занимаюсь всем зараз, и потому кажется, что ничего не движется. Между прочим „Достоевским“. <...> И потому обрабатывал <...> первую часть, оставшуюся еще без призора» (Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор // *РИА III*. С. 419).

6—8 сентября 1930. В двух номерах центральной и старейшей швейцарской газеты «*Neue Züricher Zeitung*» в переводе А. Креслинга выходит статья Иванова «*Über „Raskolnikow“*» (О «Раскольнике», нем.) — фрагмент будущей немецкой книги (*Iwanow W. Über „Raskolnikow“* // *Neue Züricher Zeitung*).

1930. 6 Sept. № 1719. S. 1–2; 8 Sept. № 1734. S. 1. [Электронный ресурс:] <https://u.to/QR7tGA>. Режим доступа: свободный).

7 декабря 1930. Н. П. Оттокар пишет Иванову: «У меня к Вам просьба. Дирекция журнала *La Cultura*, которая в феврале выпускает номер, целиком посвященный Достоевскому, обращается, при моем посредстве, к Вам с просьбой дать для этого номера статью (размером приблизительно в один печатный лист) (...). Я думаю, что для Вас не составило бы труда написать такую статью.

Статья «О Раскольнике» в газете «Neue Zürcher Zeitung» в переводе А. Креслинга; правка рукой Иванова

Даже не написать, а просто перевести для этого случая какую-нибудь имеющуюся у Вас на эту тему (или приблизительно на эту тему) работу. Вы ведь так много занимались Достоевским и так много писали о нем, что выкроить что-нибудь подходящее для этого случая Вам будет, вероятно, нетрудно» (Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову. С. 517–518).

На страницах журнала «*La Cultura*» Иванов не публиковался, как можно думать, из-за несогласия с направлением журнала.

26 апреля 1931. Швейцарский богослов Фриц Либ (Lieb; 1892–1970), познакомившийся с трудом Иванова еще в феврале — марте по машинописи

Е. Д. Шора, из Бонна пишет издателю Оскару Зибеку (Siebeck; 1880–1936), рекомендуя это исследование к печати как «самую глубокую и в то же время самую прекрасную монографию о Достоевском, какая вообще существует». Напоминает о том, что 1931 г. — год юбилея русского писателя, и дает высокую оценку подготовленному А. Креслингом в сотрудничестве с Шором переводу. Находит выразительной первую часть книги, в которой автор предстает как филолог-классик, передавший, как никто другой, мифологическое содержание произведений Достоевского, а третью — «потрясающей» (*Wachtel, Gleissner*. S. 113–114; пер. с нем.).

17 мая 1931. Поэт и переводчик Ринальдо Кюфферле из Милана сообщает о возможности публикации книги о Достоевском в издательстве «Бомпиани», обещая «роскошное» издание тиражом 2000 экземпляров. Предположение не осуществилось.

15 июля 1931. Пишет из Ноли в Лигурии сыну в Швейцарию в Энгельберг: «„Достоевский“ же взят Siebeck-Mohr'ом в Тюбингене и — издателем Bompiani в Милане!» (Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией // *Символ*. С. 610).

5 сентября 1931. Подписывает договор об издании книги о Достоевском с немецким издательством J. C. B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag (*Wachtel, Gleissner*. S. 132–133).

27 октября 1931. Пишет из Ноли сыну в Энгельберг: «Сижу зарытый по уши [нарисован значок „кошачьи уши“. — *Сост.*] в корректуры „Достоевского“, который почти весь набран» (Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией // *Символ*. С. 611).

31 декабря 1931. Итоговая оценка книги о Достоевском в письме Е. Д. Шора к Иванову (цит. в статье А. Б. Шишкина; наст. изд., с. 000).

28 января 1932. В старейшем и крупнейшем тюбингенском издательстве Mohr (Siebeck) Verlag выходит в авторизованном переводе А. Креслинга книга Dostoevskij: Tragödie — Mythos — Mystik (датируется по письму Оскара Зибек к Иванову; *Wachtel, Gleissner*. S. 174).

9 февраля 1932. О. А. Шор в Павии записывает разговор с Ивановым: «Влюбленность — притяжение магнита; Любовь — электричество, гроза. Тайновидцы влюбленности могут и не знать любовь. Толстой — изображал влюбленность; Достоевский — любовь (Грушенька)» (Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова в записях О. Шор / предисл. С. С. Аверинцева, подгот. текста А. Б. Шишкина // *РИА III*. Р. 138).

10 февраля 1932. В письме к О. Зибеку распоряжается переслать экземпляры книги Э. Р. Курциусу, Н. Н. Бубнову, Ф. А. Степуну, Б. фон Хайзелеру,

М. Синьорелли, Ф. Ф. Зелинскому, С. И. Гессену, Э. К. Метнеру, М. Бодмеру, Л. Шнайдеру, Х. Штайнеру и др. (Ibid. P. 176—177).

29 февраля 1932. Н. Н. Бубнов из Гейдельберга пишет к Иванову: «Сердечно Вас благодарю за экземпляр Вашей книги о Достоевском, высланный мне на днях по Вашему распоряжению издательством» (РАИ. Оп. 5. Карт. 1. Папка 21).

6 марта 1932. В швейцарской газете «Neue Züricher Zeitung» опубликована обширная рецензия на книгу о Достоевском (1932) Ганса Барта (см. Приложение II); ознакомление с ней Иванова предполагается.

12 марта 1932. А. Л. Бём от имени пражского «Общества Достоевского» просит дать разрешение на перевод статьи «Достоевский и роман-трагедия» на чешский язык для издания отдельной брошюрой. Проект не был осуществлен (Wachtel, Gleissner. S. 346).

14 апреля 1932. Мартин Бубер из Хеппенхайма (Германия) пишет Иванову: «Вашу книгу о Достоевском, за которую я Вам очень благодарен, я прочитал с ощущением великой духовной близости к Вам, как что-то непосредственно меня касающееся. Одно место в ней особо привлекло мое внимание. Я имею в виду примечание на с. 42 и далее, где Вы цитируете Вашу, — к сожалению, мне недоступную, — книгу о Дионисе. Выраженный Вами взгляд поразительным образом совпадает — подчас почти дословно — с моей трактовкой в докладе, который я, не зная Вашего сочинения, в прошлом году прочитал во Франкфуртском университете (где я с 1930 г. служу профессором религиоведения) и в котором я весьма решительно возражаю против обычного этиологического объяснения мифа» (Иванов — Бубер / предисл. и коммент. М. Вахтеля, пер. с нем. М. Каменкович // *Символ*. С. 328).

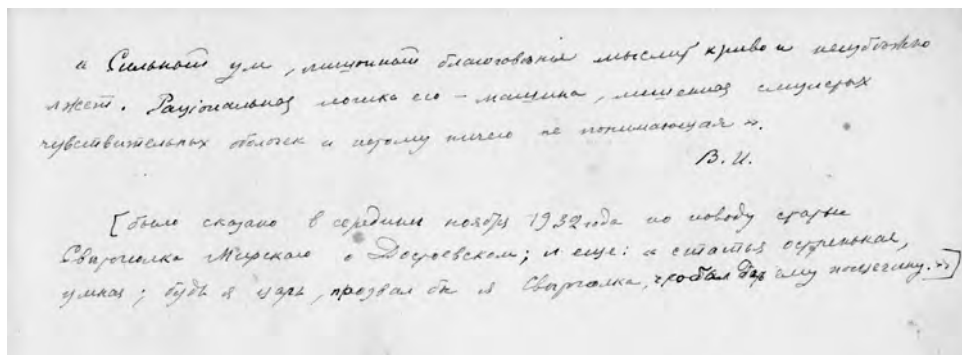
18 апреля 1932. Пишет М. Буберу: «Меня в высшей степени обрадовало всё, что Вы написали мне по поводу моей книги о Достоевском, а также наши взгляды на миф и ритуал» (Там же. С. 330).

9 июля 1932. Письмо Марко Спаини к Иванову о демонологии в связи с книгой о Достоевском (РАИ. Оп. 5. Карт. 29). «В письме Спаини к ВИ были изумительной тонкости замечания о „Братьях Карамазовых“» (из письма О. А. Шор к О. А. Синьорелли от 18 марта 1933 г. — Тройная переписка: Вяч. Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли / публ. К. Кумпан // Русско-итальянский архив. Salerno, 2012. Т. IX, ч. 1. С. 386).

27 июля 1932. Е. Д. Шор пишет Иванову: «Недавно я вступил в переговоры с Америкой по поводу издания „Достоевского“ и „Русской Идеи“. Вопрос об английском издании должен решиться в связи и [в] зависимости от американского. Для всего этого мне необходимо составить „прессу“. Очень прошу Вас

прислать мне все отзывы о „Русской Идее“ и о „Достоевском“, какие у Вас есть. (...) На днях получил от Зибека целый ряд отзывов о „Достоевском“ и „Русской Идее“. Если Вы не получили от него аналогичной посылки, то я пришлю Вам эти отзывы, лишь только переписка их будет закончена» (Символ. С. 386–387).

18 октября 1932. Литературный критик и политический деятель-антифашист Леоне Гинзбург (Ginzburg; 1909–1944) в письме из Турина сообщает, что под впечатлением итальянского издания «Переписки из двух углов» и немецкой

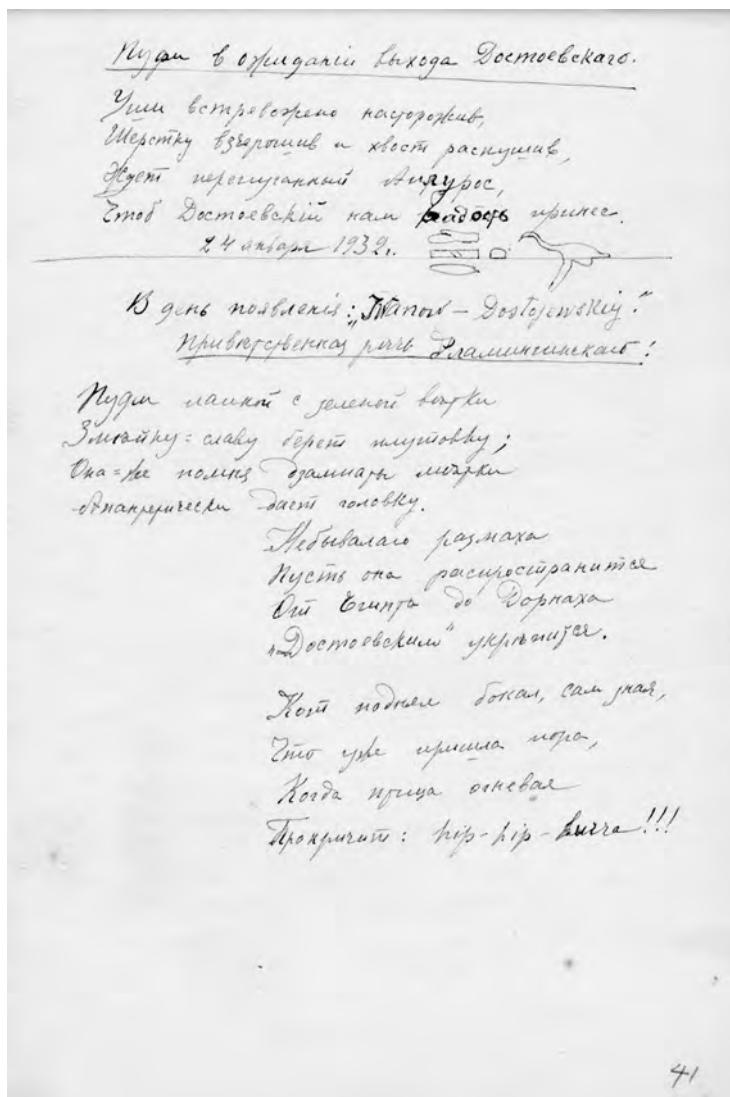
Запись Ольги Шор критической реплики Иванова о работе кн. Д. Святополк-Мирского «Место Достоевского в русской литературе», 1931: «Сильный ум, лишенный благоговения, мыслит криво и неизбежно лжет. Рациональная логика его — машина, лишенная слезистых чувствительных оболочек и потому ничего не понимающая». В. И. [было сказано в середине ноября 1932 г. по поводу статьи Святополка-Мирского о Достоевском; и еще: «статья остренькая, умная; будь я царь, позвал бы я Святополка, чтобы дать ему пощечину»] (РАИ)

книги о Достоевском собирается написать в туринский журнал «Pègaso» статью «Rivendicazione di Venceslao Ivanov» (Что отстаивает Вячеслав Иванов, *ит.*). Гинзбург отмечает: «Мы бы все хотели, чтобы Вы не должны были публиковать Ваши статьи [стиль оригинала. — *Сост.*] только в „Vigile“ и Ваши книги только в Tübingen’e» (РАИ. Оп. 5. Карт. 2. Папка 17).

Ноябрь 1932. Иронически-негативно отзывається на статью кн. Д. П. Святополк-Мирского «Место Достоевского в русской литературе», напечатанную по-итальянски в журнале La Cultura (1931. № 2. Р. 100–115; ее перевод на рус. яз. см.: Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2016. С. 351–375). См. ил. на с. 000.

4 декабря 1932. Письмо к Ф. Хёншцу: «Что сказать, чтобы проведенная мною аналогия между „Фаустом“ и „Бесами“ не казалась Вам столь парадоксальной? Быть может, следует указать на ее предпосылку, недостаточно четко сформулированную в моей работе. По моему мнению, идея Вечной Женственности, притягивающей нас (мужественный дух в его тоске и дерзании), целиком пронизывает поэзию „Фауста“. Этот лейтмотив звучит уже в словах „Где уловлю

тебя, бескрайняя Природа? вас, груди, где?“. Матери относятся сюда не в меньшей степени, чем Mater Gloriosa. В аспекте Земли Вечная Женственность становится объектом страстной любви Фауста („из сей земли льются радости мои“ ... „ты, земля, была и в эту ночь самой себе верна“ и т. д.), и, будучи уже стариком, Фауст, ищущий свободной почвы для свободного народа, всё еще влюблен в нее в своих грезах. Любовь эта превращает его, вопреки всей мечтательности, в реалиста, подобно самому Гёте, и реальным воплощением мистической сущно-

Шуточные стихи Ольги Шор в связи с выходом в свет книги о Достоевском

сти Земли становится для него Гретхен, его „самое первое, утраченное в юности, драгоценнейшее сокровище“, как он вспоминает о ней после исчезновения призрака Елены (в вводном монологе четвертого акта). Хромоножка у Достоевского соотнесена с этой мистической сущностью так же, как Гретхен у Гёте. И русский писатель перенял эти символы у немецкого, как и заимствовал описание безумия в своем романе у Гёте» (цит. по: *Вахтель М.* Вячеслав Иванов и его «дрезденские друзья» // *Русская литература.* 2005. № 3. С. 155; ср. оригинал на нем. яз.: *Wachtel, Gleissner.* S. 220).

Начиная с 1932 и до 1938. Богослов Джузеппе Де Лука и священник Фаусто Минелли обсуждают возможность выхода книги о Достоевском в католическом издательстве богословской и философской литературы «Морцеллиана» (г. Брешиа). Проект не осуществился (*Roncalli M.* Giuseppe de Luca e V. Ivanov // *Между Писанием и поэзией.* 2. Р. 32–33).

9 января 1933. Е. Д. Шор пишет о проекте посвященной театру немецкой книги Иванова: «Единственно, чего мне в Вашем плане не хватает, это всё же — главы о Достоевском. Ведь Достоевский является — согласно Вами же сделанному открытию — величайшим трагическим поэтом нашего времени. Как же пропустить его в книге, которая глубочайшее узрение существа трагедии ставит в связь с современностью? Быть может, я не прав, но мне кажется, что ссылка на книгу о Достоевском недостаточна. Мне кажется, что книга о Театре должна быть вполне законченным произведением, которая может перекликаться и будет перекликаться и с „Достоевским“, и с Вашими другими произведениями, и с целыми столетиями художественного и религиозного творчества, но которая всю тематику свою должна заключать в самой себе. Конечно, не выдержку из Вашей книги о Достоевском, полагал я, следовало бы дать в книге о Театре: но Ваши идеи о Достоевском, которые, конечно, богаче одной какой-нибудь формы, хотя бы и по-своему самой совершенной, дать в новом аспекте, соответствующем энтелехии книги о Театре. Впрочем, может быть, Вы правы, и достаточно в книге о Театре сослаться на „Достоевского“, так чтобы единство обеих книг в плане Вашего творчества было бы этим показано» (*Символ.* С. 390).

Весна 1933. А. Л. Бём посылает Иванову в Павию свою пространную рецензию на немецком языке на книгу о Достоевском, сообщая, что разбирал ее на отдельном заседании в руководимом им семинаре и что в прениях участвовал И. И. Лапшин (*Wachtel, Gleissner.* S. 348).

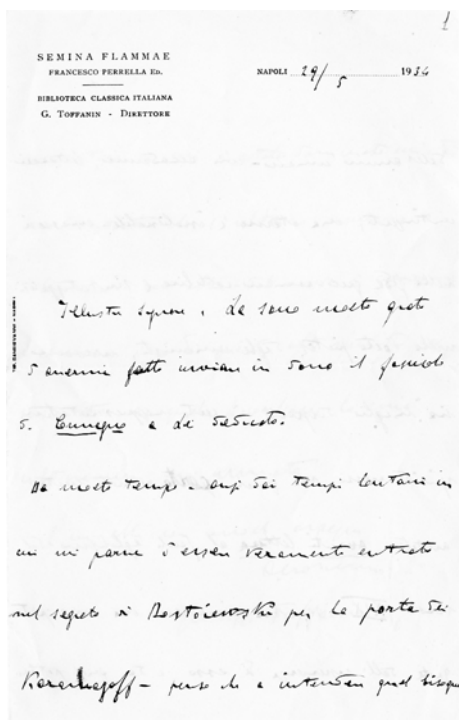
5 июня 1933. В письме к А. Л. Бёму оспаривает ряд критических высказываний из его рецензии: «...когда я ставлю вопрос о наличии общего мифа в произведениях, не сопряженных между собою связью литературной зависимости, Вам кажется, что эта проблематика выходит за пределы историко-лите-

ратурного исследования. Я же усматриваю в таком сужении границ последнего eine Befangenheit [робость, нем.], от которой был свободен Александр Веселовский» (Ibid. S. 349—335; см. также наст. изд., с. 000).

Конец марта 1934. В посвященном Иванову специальном выпуске миланского журнала «Convegno», опубликованы среди прочего статья на итальянском языке французского философа Габриэля Марселя (Marcel G., 1889—1973) «L'interpretazione dell'opera di Dostoevski secondo V. Ivanov» (Интерпретация

творчества Достоевского Ивановым, *ит.*), а также глава из книги о Достоевском «La ribellione contro la madre terra: Analisi del romanzo di Dostoevski „Delitto e Castigo“» (Мятеж против матери-земли. Анализ романа Достоевского «Преступление и наказание», *ит.*). См.: Il Convegno. Rivista di letteratura e di arte. 1933. № 8/12. P. 274—280, 281—290). Несмотря на указанный на обложке журнала 1933 г., номер вышел весной 1934 г.

29 мая 1934. Писатель и историк итальянского гуманизма Джузеппе Тоффанин (Toffanin; 1891—1980) пишет Иванову: «Уже давно — с тех давних пор, когда, как мне кажется, я по-настоящему проник в тайну Достоевского через судьбу Карамазовых, — я думаю, что эту потребность в человеческом

Дж. Тоффанин. Письмо к Иванову о Достоевском

духе — не академическом, не преходящем духе образованности, но духе вечном и неотчуждаемом, выразившемся в греко-римско-католической вере и достигшем синтеза в ученом благочестии гуманистов, — никто не понимал лучше (...) некоторых выдающихся русских умов. В них, как мне кажется, уже рождается нечто, что отдаленно предвещает наши антитезы ante litteram¹ легковесному

1 Латинское выражение *ante litteram* употребляется для обозначения личностей, течений мысли, культурных движений, которые обладают характеристиками, свойственными историческим феноменам последующей эпохи.

гегельянству XIX в., ныне, однако, укрепившемуся благодаря опыту столетия и тому романтическому пафосу, каким увенчалась эпоха» (оригинал на ит. яз. см.: РАИ. Оп. 5. Карт. 20. Папка 28).

31 декабря 1935. И. Н. Голенищев-Кутузов присылает журнал «Српски књижевни гласник» (1935. 16 сент. № 2. С. 100—109) со своей статьей «Достоевский и Вячеслав Иванов» (на сербском языке), посвященной книге 1932 г. (Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова / подг. текста, коммент. А. Шишкина // *Euroa Orientalis*. 1989. Т. VIII. С. 520).

С февраля 1936. Преподает в папской коллегии (семинарии) Руссикум и Папском Восточном институте церковнославянский язык, читает лекции по русской литературе, в частности двухгодичный курс о Достоевском.

Март 1936. Литературное отделение Королевской Итальянской академии (в числе ее членов — Л. Пиранделло, Т. Маринетти, У. Ойетти, М. Бонтемпелли) присуждает Иванову премию в 5000 лир «за критические исследования, за деятельность видного мыслителя и писателя».

19 июля 1937. А. Л. Бём сообщает Иванову, что хотел бы издать книгу 1932 г. по-русски: «Буду гордиться, если мне удастся убедить Вас издать книгу в моей серии сборников „О Достоевском“. Книга Ваша должна быть издана на русском языке, и то, что этого до сих пор никто не сделал, просто обидно» (*Wachtel, Gleissner*. S. 357).

1937. В отзыве о трагедии Иванова «Прометей» (1919) марксистский критик И. М. Нусинов замечает: «Вячеслав Иванов истолковал Прометея по образцу „Бесов“, потому что в своем отрицании пролетарской революции он продолжал реакционные традиции автора „Бесов“» (*Нусинов И.* Как Прометей был объявлен первопричиной зла // *Pro et Contra* I. С. 617).

Первая половина 1938. В одно из воскресений читает лекцию о «Великом инквизиторе» Достоевского в «Русском собрании», состоявшемся в «Руссикуме». Текст см. в Приложении I.

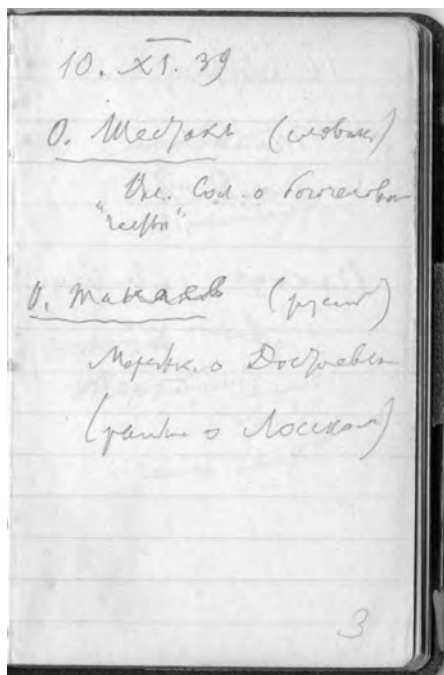
9 ноября 1939. На семинаре Иванова в Папском Восточном институте выступают: о. Шестак — с докладом на тему «Вл. Соловьев о богочеловечестве», В. Танаев — «Мережковский о Достоевском».

1939. В Руссикуме делаются доклады: «Взгляды Достоевского на Западную Европу по роману *Подросток*» (бр. В. Танаев), «Проблемы будущей России» (А. Куртна — доклад инспирирован очерками Г. П. Федотова) и др. (*К. Жизнь Русской духовной академии в Риме* // *Католический Вестник русской епархии в Маньчжурии*. 1940. № 3. С. 60—61).

Конец 1930-х. Набрасывает план книги на итальянском языке «Дух русской литературы»; предполагавшиеся начальные главы: «Достоевский. Часть I.

Трагедия», «Часть II. Миф», «Часть III. Религия» (Шишкин А. Б. Проект книги Вяч. Иванова «Lo Spirito della Letteratura Russa» // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме. СПб., 2014. С. 228—229).

24 февраля 1940. Пишет соиздателю журнала «Согопа» Герберту Штейнеру: «Преподаю в Папских Институтах (Ориентале и Руссикуме) беседы о Достоевском, церковнославянский язык; руковожу работами по истории русской мысли и т. д.» (*Briefwechsel*. S. 205; оригинал на нем. и ит. яз.).

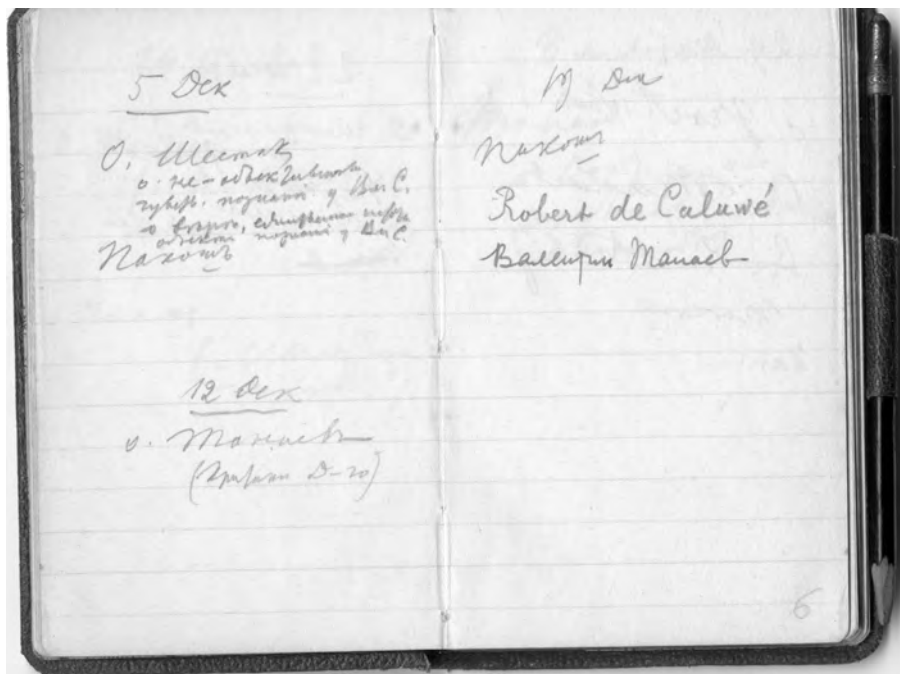
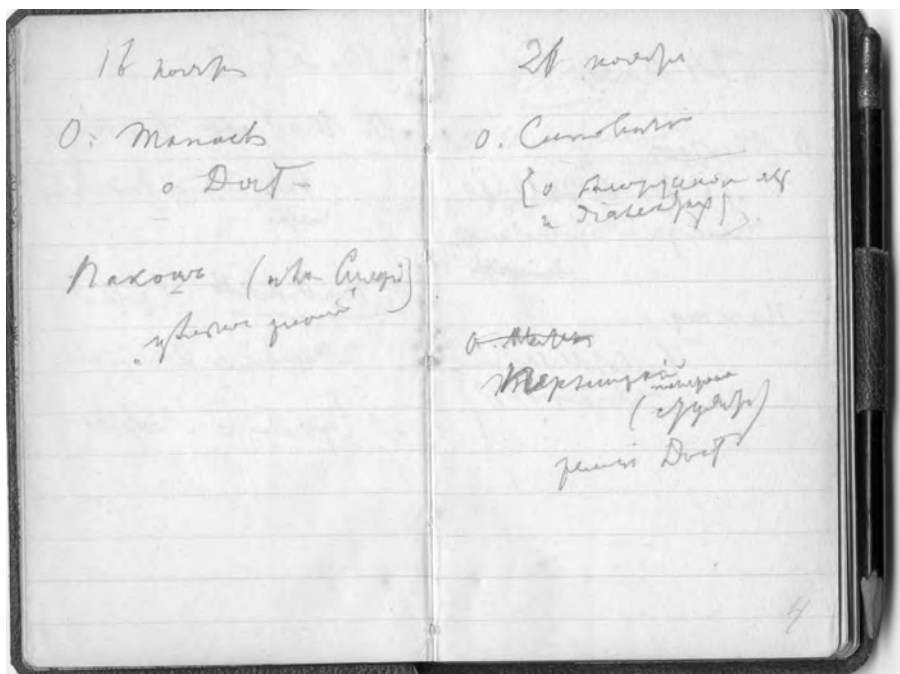
Семинар в Папском Восточном институте.
Страницы из календаря Иванова конца
1939-1940 года с обозначением тем и имен
выступающих

1940. «Особенностью этого года явились т. н. беседы с проф. Вяч. Ив. Ивановым. Их целью было оказать помощь учащимся в их личных занятиях и, в частности, дать им возможность черпать свои знания из хорошего источника. В этих беседах ожил дух старого „мастера живого слова“, и руссикумцы извлекли из них немалую пользу. Кроме того, Вяч. Иванов в течение целого года читал в Руссикуме лекции о Достоевском. В своих глубоких и ясных изложениях ВИ представил нам личность Достоевского, познакомил нас с различными научными, философскими и социальными течениями 19 века и ввел нас в мир некоторых трудов Достоевского („Бедные люди“, „Преступление и наказание“ и др.). Лекции Вяч. Иванова по русской литературе посещали только руссикумцы, хорошо владеющие русским языком». (Католический Вестник

русской епархии в Маньчжурии. 1940. № 8. С. 183).

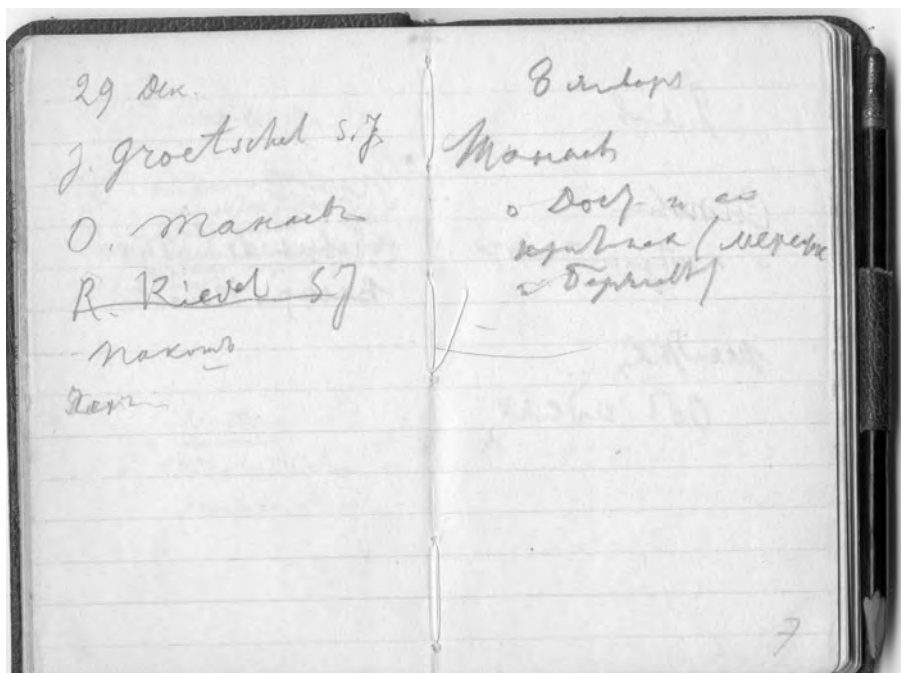
1 февраля 1942. В римский дом Иванова на виа Л.-Б. Альберти, 25, приходит католический священник С. Маджи (Maggi). Разговор о Вл. Соловьеве. Иванов предполагает написать статью «Достоевский и Вл. Соловьев перед Христом».

17 мая 1943. Из письма Э. Ло Гатто (Lo Gatto): «Высокочитимый и дорогой друг, Посылаю Вам вторую часть перевода „Достоевского“. Перевод завершен и последняя часть копируется. Должен сказать откровенно, что не доволен моим трудом, и что если бы не знал, что Вы сами его пересмотрите, я бы выбросил

Семинар в Папском Восточном институте. Страницы из календаря Иванова

его в корзину. Но заниматься этим я не в состоянии» (Шишкин А. Б., *Сулънас-со Б.* Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // *ВИИМ* 2010. С. 777–778; пер. с ит. яз.). Речь идет об итальянском переводе книги «Dostoewskij: Tragödie — Mythos — Mystik». Рукопись была принята в производство издательством Адриано Оливетти (см. письмо Э. Ло Гатто к Иванову от 28 декабря 1943 г. // Там же. С. 778), но проект не осуществился, и книга была напечатана только в 1995 г.

Семинар в Папском Восточном институте. Страницы из календаря Иванова

Декабрь 1945 — февраль 1946. Профессор Оксфордского университета С. А. Коновалов начинает переписку с Ивановым об издании на английском языке его книг («Достоевский» и др.) и собрания сочинений на русском языке (РАИ. Оп. 5. Карт. 6. Папка 5). Достигнуто предварительное соглашение с оксфордским издательством Harwill Press.

Весна 1946. «Итак, мой essay о Достоевском будет переведен и издан? Большая для меня радость! За стиль перевода я, после Ваших сообщений, могу быть спокоен. Но вполне ли точно будут переданы ответственные и тонкие оттенки моей мысли?» (Письмо к С. А. Коновалову, [б. д.] / публ. С. Кульюс и А. Шишкина // *Memento Vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой*. СПб., 2009. С. 273).

1 марта 1947. Подписывает «меморандум о соглашении» с лондонским издательством Harvill Press об издании на английском языке книги «Достоевский».

Декабрь 1948. Первое переложение книги с немецкого на английский язык (его автор неизвестен) признано неудачным; издательством принято решение поручить новый перевод с немецкого поэту и переводчику Норману Камерону (Cameron, 1905–1953).

Начало марта 1949. Перевод Н. Камерона послан в Рим автору.

23 апреля 1949. Сообщает издателю (М. Харрари), что «очень внимательно» читает английский перевод и рассчитывает отослать его назад как можно скорее (РАИ. Оп. 6. Карт. 11. С. 1; оригинал на англ. яз.).

Начало июня 1949. Одобряет в целом перевод Камерона, но начинает править введение и начало первой главы, добавляет на титульном листе подзаголовок «An Essay» и снимает название «Tragedic, Mythical And Mystical Aspects Of His Work». Весьма существенные терминологические и смысловые поправки Иванова учтены в англо-американском издании 1952 г. (Freedom and Tragic Life: A Study in Dostoevsky; за ним последовал ряд перепечаток в различных издательствах), однако было полностью опущено концептуальное предисловие, тщательно отредактированное автором. «Ревизия английского текста оказалась самой последней работой моего отца», — писал Д. В. Иванов издателю (цит. по: *Bird R. Viacheslav Ivanov's Final Work* // Историческое и надвременное у Вяч. Иванова: К 150-летию Вяч. Иванова. Salerno, 2017. С. 394).

8 июля 1949. Итальянская «Католическая энциклопедия» заказывает статьи о Достоевском, Гоголе и Мережковском. Написанию их воспрепятствовала смерть Иванова в Риме 16 июля 1949 г.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ОТКРЫТИЕ ДОСТОЕВСКОГО В XX ВЕКЕ

1. Как культурно-исторический феномен «век Достоевского» — русский и европейский — был инициирован плеядой его «совопросников» в России конца XIX — первых двух десятилетий XX в. — В. В. Розановым, Д. С. Мережковским, Н. А. Бердяевым, И. Ф. Анненским, С. Н. Булгаковым, Л. И. Шестовым. Особая и во многом единственная, едва ли не центральная в своем роде роль среди этих мыслителей, богословов, поэтов и писателей принадлежала Вяч. Иванову. Именно от его исследований Достоевского отталкивался М. М. Бахтин. По точному наблюдению С. Г. Бочарова, книга Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) явилась «книгой-памятником пост-символистского понимания Достоевского на фоне его понимания в символизме (прежде всего Ивановым)»¹.

Можно отметить обращающее на себя внимание сходство в биографиях многих русских модернистов: пережитые ими духовные и жизнеустроительные кризисы проходили в русле нравственных исканий Достоевского. Так, Бердяев, в молодости бунтарь и ниспровергатель, потом разочаровавшийся в революции «отступник» и религиозный философ, какое-то время усматривал в себе немало общего с образом Ставрогина в «Бесах», о чем сам рассказал в эссе «Ставрогин» (1914). Розанова современники не случайно сближали с героем «Записок из подполья», да и в «большую литературу» вошел Розанов своей работой «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1891). Вяч. Иванов в 17 лет не только выказывал сочувствие убийцам императора Александра Второго, но и снимал с них моральную ответственность за совершенное злодеяние, а главным мучившим его тогда неразрешенным сомнением был «вопрос об оправда-

¹ Бочаров С. Г. Бахтин-философ: Книга о Достоевском // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 464.